

А он все-таки выжил...

К 55-летию Победы

Была у Ивана Антонова одна заветная мечта – работать на тракторе. Тогда многие мальчишки об этом мечтали. “Железный конь” был символом новой эпохи, новой жизни... Измученные тяжелым крестьянским трудом сельчане связывали большие надежды именно с этим “чуждом инженерной мысли”...

В начале тридцатых по Танкеевке поползли слухи: дескать должны несколько тракторов пригнать. Что тут началось! Все буквально грезили тракторами, в особенности же мальчишки... Помнит Иван Иванович как встречали эту колонну: всем селом вышли на дорогу. Пацаны побежали навстречу, образовав живой коридор...

Некоторое время спустя при Трехозерской МТС открылись курсы трактористов. Пошел туда и Иван. Вернулся специалистом, уважаемым человеком на селе стал – тогда профессия механизатора в почете была.

В 1938 году молодой тракторист познакомился в трехозерском клубе с милой девушкой – Катей Заборовой. Вскоре сыграли веселую свадьбу, на которой гуляли обе деревни. Прикупили домик, и пошла у молодой семьи мирная, но полная забот деревенская жизнь... Через год родилась у них дочь – Валентина. И в ту же пору забрали Ивана Антонова на срочную...

Он вспоминает:

— Сначала направили меня в пехоту, но потом, в числе прочих призывников – трактористов, отобрали для

учебы на курсах военных водителей. В то время как раз конфликт с Финляндией разгорелся, и нашу часть хотели было направить туда – мы уже даже до Уфы в военном эшелоне доехали. Но тут все боевые действия завершились, нас развернули и направили в Армению. А там тоже – не слава Богу: английские войска вторглись в Иран, а по договору мы Ирану должны были помогать – вот и перекинули нас через границу... Это был совсем другой мир – чужой, незнакомый, непонятный. Много было нам в диковинку – женщины в парандже, восточные базары, бахчи, полные арбузов и дынь, абрикосовые сады... Кстати, на счет всех этих соблазнов командир нам сделал строгое внушение: дескать, мы пришли сюда не разбойничать, не по садам лазать, а показать нашу организованность, дисциплину и силу... Через десять дней эта демонстрация завершилась и нашу часть перебросили в Азербайджан...

Дважды обошла стороной война Ивана Антонова, но на третий нашла таки его... Служба уже близилась к завершению, и Иван жил предвкушением встречи с родными – матерью, женой, дочкой. И не думал не гадал он, что встреча эта отодвинется на долгие восемь лет.

— Был жаркий июньский день, — продолжает Иван Иванович, — наша автотранспортная рота участвовала в смотре строя и песни

на военном стадионе. После смотра начался футбольный матч. Я сидел на зрительской трибуне, наблюдая за игрой товарищей. И вдруг в громкоговорителе раздался шум, было трудно разобрать, что там объявили. Сначала думали, что-то насчет игры, но вот послышалось: “... без объявления войны войска фашистской Германии вторглись на территорию Советского Союза...” Воцарилась мертвая тишина. Все почему-то смотрели на тот рупор, из которого доносились эти страшные слова, как будто надеялись, что это какое-то недоразумение... А у меня сразу сердце сжалось от страха – все мечты о мирной жизни пошли прахом. Впереди была неизвестность...

— Жизнь солдат срочной службы сразу изменилась. Всех готовили к реальным боевым действиям с реальным врагом, который быстро наступал, захватывая все новые и новые советские территории, и казалось, что никакая сила не способна его остановить.

Часть отправили на фронт в декабре. В Крым автоколонна, до отказа нагруженная боеприпасами, переправлялась через замерзшее мелководье Азовского моря. Живым коридором по всему пути стояли часовые, флажками указывая дорогу, по обеим сторонам которой зияли огромные поляны... В одну из них упал грузовик – водитель замешкался и не справился с управлением. Чудом выбрался... Прибыли на место и сразу за

работу – доставляли боеприпасы. Бои шли тяжелые. Наши войска отступали, их уже прижали к морю. На Большую землю переправлялись ночью, потому что днем немцы бесконечно бомбили.

— Мне тогда казалось, — вспоминает ветеран, — что именно здесь я встречу свою смерть. Особенно страшно стало, когда попали в окружение и в плен. Всех пленных построили в группы по 200 человек и погнали на запад. В Днепропетровской области всех поселили в бараки – мы были бесплатной рабочей силой. Многие валялись с ног от слабости. Да и где взяться силам – работали-то на врага, а тут еще кормили так, чтобы только человек не сразу с голода умирал. Но более всего убивало не это – тошно было смотреть на предателей из числа наших солдат, которые выслуживаясь перед немцами, всячески измывались над своими бывшими товарищами.

Так прошло два года. Когда немцы начали отступать, пленных перегнали сначала в Чехословакию, потом в Германию. Фашисты уже паниковали. И когда подошли американские войска, то просто бежали, побросав все имущество и оставив военнопленных одних. А через несколько дней они слышали в лагере новую речь – это был не немецкий, к которому они привыкли за годы плена, и не чешский. Пришли американские солдаты. Пленных перевели в чистый и опрятный палаточный городок. Первым делом отправили в душ, выдали чистую одежду. Иван с товарищами вновь почувствовали себя людьми. А потом освобожденных передали советским частям. Всем пришлось (Оконч. на 6 стр.)

13.20
Семья
Урманас
12.00 "Лето Надежды"
11.50 "Миледи"
10.50 "Арена спорт"
9.30 "Арена спорт"
8.15, 23.55 Декоративная
"Новая жизнь"
прежних и стар.
"Купа"
и мальчиш
и мальчиш
и мальчиш

А он все-таки выжил...

(Оконч. Нач. на 3 стр.)
пройти так называемую
фильтрационную комиссию,
которая заводила "дело" на
каждого военнопленного.
Многих, к сожалению, и на
Родине ждали лагеря и
штрафные роты. Ивану Ан-
тонову, можно сказать, по-
везло, но домой не отпусти-
ли, а направили на строи-
тельстве дорог. И только в
1947 году вернулся в родное
село...

Надо сказать, когда Иван
попал в плен, на родину от-
правили бумагу — "пропал
без вести", но мать и супру-
га все же жили надеждой —
ведь не похоронка же. И
Иван дал о себе знать, как
только освободился из пле-
на, так что его ждали.
— Мне тогда уже тридцать
исполнилось. Вся молодость
была отдана войне — ушел
молоденьким парнем, а вер-
нулся почти стариком (гово-

рят, выглядел я тогда стар-
ше своих лет). До сих пор с
болью вспоминаю те годы.
Мы ведь в плену даже не зна-
ли, как шли дела на фронте.
Нам или ничего не говори-
ли, или откровенно лгали.
Так что я даже и думать пе-
рестал, что когда-нибудь
вновь увижу деревню, род-
ную семью, мать. Просто
старался выжить и не зага-
дывать ничего на будущее.
До сих пор удивляюсь, как

только на это хватило сил...
Тем не менее он выжил и
вернулся в родное село, и
снова занялся своим люби-
мым делом — сел за трактор.
И сейчас, на склоне лет, не
жалует о прожитых годах и
не жалуется на судьбу. Гов-
орит, что сейчас хорошо,
как никогда, живут они со
своей супругой. Живут так,
как дай Бог всем жить.

Р. Корнилова.